

Людмила. АНДРОСОВА
2016 г.

ПЕРВОПРОХОЖДЕНИЕ И ОТКРЫТИЕ ПЕРЕВАЛА РЕРИХА (Алтай, 1975 г.)

ОТ АВТОРА

Меня как-то спросили почему я хожу в горы, зачем я совершаю восхождения, ведь это же очень трудно. Я задумалась, согласилась что трудно и ответила, что хожу в горы потому что они есть. Страстное желание увидеть мир с высоты. А трудности и опасности в горах всегда. Бывает, что опасно каждое твоё движение, каждый шаг. И чтобы чтобы выжить, чтобы остаться в живых, ты должен идти, другого пути нет. Идти, преодолевая и тем осуществляя себя. Так закаляется мужество. И однажды тебе открывается, что вершины эти подмают тебя не только на высоту, с которой открываются новые доселе невиданные дали, но они поднимают тебя на высоту, с которой тебе открывается новый взгляд на самого себя, на свои проблемы и на жизнь, тебя окружающую. Вот зачем я хожу в горы.



Рассвет над Белухой

Эти записи - не воспоминания о минувших событиях и не описание похода в общепринятом смысле. Написанные много лет назад, эти живые дневниковые записи, с достоверностью отражают мысли и чувства людей в то самое мгновение (день и час), когда эти события происходят. В целом – это своего рода поэма, сказ о мужестве четырех человек, в сложнейших условиях поднявшихся и покоривших не только Перевал и Вершины, но сумевших подняться на вершину своего Духа и покорить Себя.

К моменту этого восхождения зимой 1975 г. за моей спиной было много покоренных перевалов и вершин, в том числе и самая высокая вершина в моей жизни – 6097м. Но только после этого восхождения я остро осознала, что вместе мы – одно, единое, целое. И сколько раз, а точнее сколько тысяч раз я из своего далекого далека переносилась на вершину, вставала, преисполненная благодарности, рядом с той мной, такой сейчас близкой, и ощущение полета и всепоглощающей радости пронизывало меня. Вот как сейчас, когда я пишу эти строки...

Некоторые слова вызывают у меня сейчас невольную улыбку, но из уважения к той мне, что писала эти строки, я оставила все как есть, все как было и не изменила ни единого слова. А частые интервалы в тексте указывают на разное время записи в течение дня, если только удавалась хоть какая-нибудь возможность сделать записи.



*Людмила Андросова.
Фото Николая Плетнева, 1975 г.*

**ЕВГЕНИЮ ВЕЛИКАНОВУ,
руководителю первопрохождения и
открытия перевала Рериха на Алтае
ПОСВЯЩАЮ**

**ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ
(март 1975)**

Недавно я прочла обращение Shri K.G. Saieydain к группе студентов при посещении ими выставки Святослава Рериха в Дели в 1960г. и меня взволновала глубокая правдивость его слов (перевод с английского - мой):

“Если вы живете на берегу Ганги, возможно, вода покажется вам совсем неважным делом. Но если вы будете лишены ее в течение всего лишь 24 часов, вы поймете, как необходима она вам. То же самое происходит и с вашим отношением к сверкающей красоте Природы. Она в своей бесконечности открыта вашим глазам и днем и ночью, и вы не испытываете трепета перед нею. Утро наступает каждый день сиянием своей красоты – вы не удосужитесь даже оторвать голову от подушки, чтобы поприветствовать его! Лунный свет чарует ночью – вы закрываете окно своей комнаты и идете спать!

Но если красота Природы, которая наполняет наши дни и ночи, вдруг исчезнет или вы потеряете зрение или слух, как вы будете чувствовать себя? Не поймете ли вы тогда, что все это было бесценным подарком? Спросите жителя района, где большая часть года облачное небо, существует ли большая радость в жизни, чем теплый поцелуй сияния солнца? Спросите беспомощного прикованного к постели больного, - и он расскажет вам, какую радость и умиротворение может дать видение ясного голубого неба. Человек, который потерял зрение, может рассказать вам, как это мучительно – идти по жизни без сияния цветов и времен года.

Вы часто гонитесь за искусственным богатством и считаете запасы золота и серебра – распространенный признак богатства - как самое важное в жизни, забывая, что Природа дала непосредственно в распоряжение каждого человеческого существа щедрые дары радости, которые не могут соперничать с придуманным человеком богатством. Да не попросит ничего другого тот, кто имеет эти сокровища! Как может человек чувствовать себя бедным и несчастным в мире, где солнце возвещает улыбку рассвета каждый день, а вечером исчезает под усыпанный драгоценностями занавес ночи, где небо усыпано звездами и сиянием луны,

а земля убрана цветами и зелеными полями – мир света и цвета и запахов и музыки, каждый с его бесконечным разнообразием! Будет ли тот, кто имеет глаза, чтобы видеть, и разум, чтобы понимать, оплакивать свои несчастья и потери в мире, подобном этому?”

И, обращаясь к картинам Святослава Рериха, Shri K.G.Saiyda говорит далее:

“...Представленные здесь картины многозначительны, потому что художник не только отразил жизнь, но и дал выразительное толкование, выявив внутренний смысл жизни. Взгляните на панель из трех картин, названную “Триптих”. Возможно, Рерих уже говорил вам о ней. Я не знаю, что он сказал, но я поделюсь с вами своим отношением к ней. Мне представляется, что эти три картины показывают бесконечную историю человеческой жизни и устремлений.

Здесь дана картина великой борьбы человека во все времена. Эти картины заставляют нас забыть, что мы суть жители определенных городов и стран, определенного столетия, и мы становимся частью великого пульса человечества. Это история о том, как люди возвышаются и падают, об их скорбях и радостях, надеждах и крушениях, и мы чувствуем, что по сути своей мы – несущая жизнь очень важная частичка движущейся истории.



С.Н.Рерих. Распятое человечество (Триптих) 1939-1942 гг.

В первой картине показано, что человек тяжело трудился, боролся и страдал, и вот он устал, и в отчаянии, и задает себе вопрос – есть ли путь, который мог бы привести его в лучшее будущее? Вторая картина возвещает нам о том, что в каком бы столетии ни жил человек, в этом или тысячу или пять тысяч лет назад, он всегда страдал и проходил через испытания и невзгоды, войны и голод и эпидемии, и человеческие страдания обступили его подобно разбушевавшемуся огню.

Подобно Иисусу Христу человечество распято на Кресте. В чем же тогда будущее человечества? Сможет ли оно найти выход? Посмотрите на третью картину. Она говорит нам о том, что какие бы ни были у человека неудачи, страдания или срывы, существует нечто внутри него, что всегда зовет его вперед и вверх, что ведет его от разочарования к надежде, от гнета зависимости к радости свободы. Да, люди находятся в рабстве, но цепи этого рабства скованы не внешними силами. Цепи рабства скованы самими людьми – их слабостями, их нерешительностью, их несправедливостями, их преступлениями.

Но человек вечно стремится освободиться от оков и не только от оков внешних, но также и от более опасных, внутренних, которые он создал сам себе в сфере духовной жизни. Итак, эта картина изображает ту извечную истину, что человеку свойственно постоянное стремление пробудить свои духовные силы и возможности. Величайшая гордость и триумф человека состоят в том, что он оказывается все более способным победить свою слабость и ограниченность и устремиться навстречу величию истины, величию красоты, величию добродетели и соединить эти бесценные сокровища в своей жизни.

Науки, которые вы изучаете в вашей школе, мастерство, которое вы приобретаете, ремесла, которым вы учитесь – все это само по себе очень важно. Но гораздо более важным является понимание того, что «не хлебом одним жив человек», что существуют тысячи вещей в жизни и природе, которые более важны, потому что они представляют извечный смысл правды, добродетели, красоты и благопристойности, которым мы должны учиться, чтобы ассимилировать в существе своем. Наш великий индийский поэт выразил это стремление человеческого духа такими словами:

«Что я могу? Мне ни пристало отдыхать.
Мое сердце нетерпеливо подобно бризу
в море красных полевых маков!
Когда глаза созерцают предмет красоты
Сердце же устремляется к еще более прекрасному!
От искры к звезде, от звезды к солнцу мое вопрошение
С нетерпеливым взором и надеждой в сердце
Я ищу конец в том, чье имя – Бесконечность!»

Великий дар Рериха для нас состоит в том, что он показывает эти различные аспекты жизни, равно как и неудачи и крушения, и раскрывает нам откровения надежды, созидания и устремления. Благодаря ему мы имеем как бы своеобразные очки, с помощью которых мы можем увидеть внутренний смысл вещей...»

ГОД 1974. НОЯБРЬ.

Святослав Рерих в Москве, на нашей земле. Неожиданно встречу с ним перенесли на час раньше. И не удалось предупредить только Великанова. И больно, что его не будет, больно не за то, что Женьке не повезет, а больно за себя, за Святослава, который не увидит по-настоящему здоровых сибиряков. Не потерявшихся в искании истины, не вымученных ошеломленных, не ахи-, охи-, оха-ющих, а просто здоровых, молодых, незанудных, видящих. Творящих руками собственными, головой. Трезво мыслящих. Им и принадлежит будущее. Для них и вся мудрость. А пока – открытые двери. У них и для них.

Гостиница «Советская». Беликов Павел Федорович, писатель, встречает нас, сибиряков, у широких дубовых дверей огромного кабинета. «Проходите, проходите». – Навстречу поднимается Святослав. В светло-коричневом мягком наглухо застегнутом пиджаке. Строен. Прямо. Среднего роста. Глаза темные. Плотные сжатые губы. Неотрывно, внимательно смотрит на каждого. Крепкое рукопожатие. Всюду цветы. Алые и белые розы, красные гвоздики. Садится за огромный письменный стол в углу кабинета, откидывается на спинку стула, руки сцеплены. Внимательно смотрит. «Расскажите мне о Сибири, какие у вас планы, как живете...» И неторопливо ведется беседа. В присутствии Святослава все очень спокойно. Голос ровный, мягкий. Становится хорошо, и главное – просто... Нет гнета собственного присутствия. Не думаешь, что делаешь неловкость какую-то, и даже не приходит в голову, как обычно, что он о тебе подумает. Волна – когда ты такой какой есть и это принимается. Слово знал его всю свою жизнь...

Запаздывает старушка Наталья Дмитриевна Спирина. Вот и она. Входит. Восторженный горящий взор. И незаметно садится вместе с нами. И продолжается беседа. Пауза. Робкое покашливание, дверь гостиной неуверенно открывается – входит Вера Яковлевна Кашкалда, хранитель картин Н.К. Рериха в нашей галерее. В руках букет белых цветов. Она издали здороваются, подходит к столику, вокруг которого мы сидим. Неловко пытается воткнуть в полную вазу красных гвоздик и роз принесенные цветы, все они не входят. Еще одна попытка, еще. Она смущается, затем кладет цветы на стол, рядом с собой.

Беседа продолжается. Уже П.Ф.Беликов выразительно смотрит на свои часы. И вдруг распахивается дверь. И на пороге Великанов, Загорелое русское лицо светится белозубой улыбкой. Плотный свитер подчеркивает ладность стройной фигуры. Через весь кабинет проходит прямо к Святославу, протягивает ему руку. Садится. И все просто. Без ненужных движений и смущений.

Ну вот, все-таки пришел. Наконец-то не только болезненные лица, не только старость, не только пожирающий горящий взгляд, но и само здоровье, бодрость, сила – здоровый смех, здоровый желудок, здоровый (здравый) смысл. И уверенность. словно пахнуло ветром свежим. Поистине Великанов на нашем фоне.

«Я твое пальто, Людка, увидел, - рассказывает потом, - смотрю, вроде бы во-время пришел, никого нет, время идет. Спросил номер Рериха – и пошел.»

«Женька, если пойдешь на пик Рериха в горы – возьми меня. Возьми, Женька. Вот посмотришь, я пригожусь тебе. Возьми.»

«Если не будет народа, тогда возьму.»

«Нет, Женька, возьми. Я ПОЙДУ. ВОТ УВИДИШЬ. Я ПОЙДУ.»

ГОД 1975. МАРТ

ГОРНОЛЫЖНЫЙ ПОХОД НА АЛТАЙ.

Поход посвящен 30-летию Победы.

Группа туристов Сибирского отделения Академии Наук в составе 4-х человек:

Евгений ВЕЛИКАНОВ – руководитель
Людмила АНДРОСОВА
Николай ПЛЕТНЕВ
Анатолий ПОЛИЩУК

Маршоут

Новосибирск – Бийск – Горно-Алтайск- Тюнгур – Кучерла –перевал Кузуюк – Метеостанция – перевал Трудный (ЗА) – пик Разоружения 3772м. – Метеостанция – открытие-первопрохождение перевала Рериха (Победы), пик Рериха – Кучерлинское озеро – перевал Капчал – Язевка – Усть-Каменогорск - Новосибирск



Вершины Рерихов на Алтае- Корона Рерихов. Вид с перевала "Дружба"

Слева направо: Вершина Урусвати (с нее спускается ледник), вершина Юрия Рериха, далее треугольной формы пик Рериха (Н.К), еще правее вершина Святослава Рериха.

Между вершиной Урусвати и пиком Юрия Рериха перевал Урусвати,

Перевал Рериха - чуть правее пика Рериха.

Фото Владимира Волкова, 1988 год.

3 марта Горно-Алтайск. 15 часов

Сюда пришла весна. Яркое солнце. Капель. Со звоном падают сосульки.

- И какое это может быть удовольствие? – тетя Груша, страж гостиницы, наблюдая наши потуги с рюкзаками.



Горно-Алтайск

4 марта

Уже 8 утра, а семичасового автобуса все нет... Зато есть краски неба. Оно постепенно обволакивается золотом и наступает рассвет.

- Смотри, Людка, - небо горит, - Женька.

4 марта 19 часов. Усть-Кокса.

Измотала нас дорога. Одиннадцать часов автобусной тряски.

Долины среди гор. Ни снежинки. Удивляешься, почему трава желтая, а не зеленая. Навстречу иногда выплывают резко очерченные скальные глыбы, подобно монументам, что, как сказал Женька «пахнут древностью,да?»

Вокруг Усть-Коксы синие-синие горы. Окутанные дымкой тумана и вечерних сумерек



Поселок Усть-Кокса

5 марта . Усть-Кокса. 8 утра.

Снег, снег, снег... Падает крупными хлопьями. Тепло. Уже покрыты белыми шапками еще вчера совсем чистые ближайшие холмы. В воздухе разлиты белизна и свежесть.

И вот наступила хмарь. Еще вчера казалось, что в этом благословенном месте всегда солнце. А сегодня с утра этот мокрый тяжелый снег. Туман закрыл, занавесил горы.

А автобус-то свой, деревенский. Пока всю родню не объездил и все магазины встречные и поперечные – не пошел дальше. И вместо обычных трех-четырёх часов едем в Тюнгур уже шестой.

- Добрый день у нас, – говорят мужики и пьют.

Великанов встречает Макарыча, знакомого местного алтайца, и мы идем в его дом, в Кучерлу, что в трех километрах от Тюнгюра. Кучерла, последнее алтайское поселение на пути к перевалу. – Считайте, поход начался ночью, о-ри-гинально! – Женька.

- Ты знаешь, Макарыч такой человек. В войну до Одера шел. Однажды в день с боями прошли 110 километров. Пятки отставали... Он может о многом порассказать. Работал здесь председателем райисполкома, - рассказывает Великанов.

- Любитель ты, Женька, что ли? Я бы взял отпуск, рядом с бабой и ни-ку-да. –

- Да знаешь, Макарыч, живем-то ведь как. Сидя. В домах каменных. Вот и ходим. Двигаемся. Дышим. -

- Ну ты и дыши. Завалился - хочь один, хочь с бабой под деревом, ну и лежи себе. Куда идти-то? Отдыхай. –

- Ну мужиков-то, мужиков-то не жалко, а вот девка, – ейдрит...-



Поселок Кучерла

6 марта. ДЕНЬ ПОХОДНЫЙ ПЕРВЫЙ.

Избушку Макарыча кедры обступили в снежном уборе. Стройные ели. Внизу сразу речка. В избе современная мебель, плюшевые занавески, гора

подушек на перинах. Половиками домотканными устлан пол. Русская печь. Весело потрескивает. Урчит. Музыка моего детства.

7 часов утра. Кучерла

Идет и идет мокрый снег.

– Погода шибко плохая, - Макарыч, - на перевале оно знаешь как. Воеет. Метет. Испокон веков наверху у нас теплее, чем внизу. А сейчас на горе холодно. Потому – весна. Да и оплывни там должны быть. Наш совет – не ходи, если тепло. Сейчас самый время оплывины... -

- Ну и денек у нас будет сегодня. Без рюкзаков. На лыжах. Сани будут, - Женька, возвращаясь с алтайцем-аборигеном.

- Ну, Женька, сам мучаешься и людей мучаешь, - первые после приветствия слова аборигена.

- Для нас, знаете, это не мучение. В городе чахнешь просто. Без свежего воздуха... -

- Да отдохните тут. Куда вам идти. -

Макарыч притащил мясо маралье. И пошел жор.

- Пока работать не работаем. А есть – едим. Мясо., - Женька, наваливаясь на жратву.

- Нет, так я, пожалуй, редко ем. Чтоб до седьмого поту..., - Толя, еле вылезая из-за стола и качая головой.

- Макарыч, не знаю уж как и благодарить тебя. Слепой он. Может, вылечат, - Женька, принимая в дар медвежью желчь.

- Не-а, ты говоришь раз для друга... Другому я бы и не сказал даже, а тебе, Женька... Мне Женька друг великий. –

- Ну что, будут лошади или нет, - допытывается Толя. Для него все должно быть ясно и однозначно.

А вот и сани.

- Может, молочка парного попьете, а? На дорожку. – И мы медленно, глоток за глотком выпиваем этот нектар, нектар доброты и гостеприимства.

15 часов.

- Все-таки есть смысл в движении зимой. Именно в скольжении. Придает особую лирику, я бы сказал, - Женька в одной маечке, как Бог скользит на лыжах.

Снег кружится, медленно падает на голые плечи, руки. Тут же тает. Кедровые обступили со всех сторон. Хрустальные ветви склонившихся березок. Тишина. Только Женька иногда прерывает ее пронзительным гиком. Во всю мочь орет песни типа: - Ан-дрю-ха! А не пойти ли нам слегка выпить кружечку пивка – знать дорога до пивной недалеко! – Так заразительно с такой бодростью и вкусом.

На самом перевале отдали честь Алтаю. Я – по алтайскому обычаю пополнив многочисленные ленточки - надежды, привязанные к ветвям елочки, - своей. Толя – закулив, - с кайфом, как он сказал.

19 часов.

Ак-Кем. Зимовка скотоводов.

Избушка на курьих ножках. Правда, с небольшими оконцами и дверью с поклоном. Внутри – полаты с шубами мехом наружу и печь по-черному.



Ак-Кем зимой. Фото В. Тельнова 1977 год

Коптилка, импровизированный стол и все как надо. Гостеприимные радушные алтайцы – Женькины друзья. Вытащил он свою С2Н5ОН и пошли мужички, разошлись

- Тяжело вам будет идти-то ...-

- А мы доходили за день. Если озвереем – дойдем.-

- Одна женщина. Берегите. –

- Мы ее на 8-ое марта понесем – у нее ноги-то идти уже не смогут... -

- Вот я бежал 86 км., елки. За 10 часов. - Женя.

- Женька наш до сих пор остановиться не может... –

- Карелов, говорю, - продолжает Женька, - ты как старый пердун рассуждаешь. Вот, мол, придут два человека, помрете там все и будут катить на туристскую секцию. А мне потом говорят – сделали такое дело. Всю рутину нашу всколыхнули. А я горд, что идея-то моя... -

- Снег-то идет помаленьку...-

- Да-а-а...-

- В деревне, говорят, медведь-то 130 овечек задушил. Прямо рядом жил-то. Пока с этой лицензией на него, а он душит себе да душит... –

Вплотную к стеклу окна вдруг приблизилась белая морда с свивающимися слюнями. Белая, во все окно. Жуть!

7 марта. ДЕНЬ ВТОРОЙ.

- Ох, погода нехорош! –

- Сейчас первые два километра без рюкзаков до избушки... –

- Ха! Там и заночуем! –

- Люда, запиши, как Колька сказал: - Какой горячий снег! - Поставь кавычки и напиши – Плетнев. –

Сегодня по существу первый день похода. Первый день у нас за плечами нагруженные тяжеленные рюкзаки, и мы в полном вооружении идем сначала на лыжах, потом вверх-вниз по тропе без оных. Колька забурился, сошел с тропы. Спустились к Ак-Кему. Проясняется. – Ах, какая красота, - Толя.

Скальные крутые берега. С ледопадами. Узенький проход. Беспреданно обходим полыньи незамерзающего Ак-Кема. Снег рыхлый, не очень глубокий. Палка ищет опоры и не находит. Лед.

Если прислушаться – шумит Ак-Кем под ногами. Иногда прямо ревет, тогда невольно поднимаешь глаза к небу – очень напоминает рокот реактивного самолета. Миг – и уже ничего не слышно.

Разноцветные скалы покрыты мхом. Лес, хотя и частый, но не густой. Тонкие ели, склонившиеся березы.

17.30.

- Набросились на дармовщину. И не жевали, небось, - Женька, видя наши с Колей мучения с животами.

- Что-то палец большой жмет, ужас один, – Колька.

- Врешь поди, – Женька

- Вру? Как вру? –

8 марта. ДЕНЬ ТРЕТИЙ.

Полыхает костер. Ясное утро. Небо безоблачное. Впервые не идет снег.

У костра за завтраком:

- Никогда со мной такого не было, - Толя

- А что? –

- Да сжег я ботинок-то!!?? –

- А я нож потерял,

- Вот Карелов потерял кольцо обручальное. И нашли его, через месяц. Может, и ты нож найдешь. –

- Я тоже потерял, Валентина до сих пор пытается окольцевать... А спальник?! Продали ведь меховой. Полутароспальный! Ни за что, говорит... Ох, елки, ну какое сердце выдержит, рядом мерзнет девчонка, а ты... в тепле. Ну ничего, будет теперь новый. Потайное дно сделать, что ли? – Женька. Он собирается и ворчит: "Ведь говорила мне жена – ты прежде чем делать, подумай. Ищу, ищу я штаны запасные, потом остановился, подумал – они же на мне!"

Мечтаем о хорошем легком снаряжении и заодно Женька выводит формулу Жизни:

- Я вот что понял, чтобы дело двигалось, вообще любое, надо помнить о нем ежедневно, и каждый день должен быть шагом. Иначе – конец. Если будешь выполнять время от времени – это годы и годы, елки. Железно. И вообще - любая невозможность определяется только нашей инертностью...

11 часов.

Сол-ныш-ко. Солнышко. Впереди засияли вершины. А вот и двуглавая показала. Белуха. ЗДРАВСТВУЙ! И поклон тебе от всех.

Какой сегодня день солнечный. Какой ясный день! Белуха так отчетливо на фоне голубого неба. Лишь легкое облачко над ней. Не уходит. Как охраняет.

14 часов.

Обед. Костер. Женька наполняет лес здоровым криком очередной песни типа -Ан- дрю-ша! Эх, не пойти ли нам слегка выпить кружечку пивка...

- Сейчас душу погреем кипяточком и пойдём, - Толя.

- Ну, я, братцы рвану на Метеостанцию. В два раза быстрее на лыжах, - Женька. А нам так не кажется и мы на своих двоих – тянем каждый свою веревочку дурости. На лыжах легче, быстрее, и то еще важное обстоятельство, что на них видишь не одни только собственные ноги. А сейчас мы уткнулись в снег – чуть не туда ногу поставил и провалился разве что не по пояс.

18 часов.

Уже совсем смеркается. И первые звезды зажглись. И вдруг – горы раздвинулись и такая ширь! Неожиданно - после двухдневного пути по реке и в лесу. И совсем близко свет из окошка дома что стоит на самом берегу озера, наверху. Ярко высыпали звезды. Необычная взору глубина пространства, гладь озера, открывшаяся панорама гор - все это завораживает и притягивает и манит к себе.

И стоишь перед Белухой. Как в середине цирка. И ледник от Белухи плавно спускается в раскинувшееся озеро прямо к твоим ногам. Чтобы дом стоял здесь.

И в доме этом ждут. Баня по-черному. Вне очереди принимаю эту сауну. И все осталось там – и усталость, и тяжесть от непривычных рюкзаков. Показалось так легко и невесомо.

БЛАГОДАРЮ. БЛАГОДАРЮ...



Метеостанция на Ак Кеме. Фото В. Тельнова 1977 год

9 марта. ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Вытаскиваю книгу стихов хорошего поэта Павла Васильева – Женя Маточкин передал с нами для ребят, что работают здесь, на метеостанции.

Коля разочарованно смотрит: «Передай Женьке, чтоб таких подарков больше не посылал. Ненавижу стихи.»

А я думаю, вот молодец Женька. Ведь это единственный способ заставить человека поверить в стихи. Ведь других книг здесь все равно нет. Ах, молодец. И точно, на следующий день – «Передай Женьке спасибо. И подумать только. Стихи...»

Ясный солнечный день. Утром минус 19. Выходим в 14.30. И потопали. Прямо навстречу к солнцу, навстречу спускающемуся к озеру леднику. По озеру. Кто в валенках, кто в ботинках. С бахиллами. По следам шатуна или рыси, а может быть росомахи.

На пик Разоружения. (Караюк). Через перевал, который так и называется «Трудный». Завтра вернемся сюда. Идем без лыж.

Женька далеко впереди. А у меня – шагу сделать не могу, назад еду. Колька. Терпеливый. Для страховки давал все – ледоруб, ногу, руку. Вместо мата вслух, по крайней мере, говорил: «Людочка!» Или: «Ну, мать!...» Это когда я от страха – ни туды, ни сюды.

«Вот что я вам скажу, ребята, - Женька, как только мы подошли к вынужденному месту ночевки, - если так будем идти завтра, мы не подойдем даже к подножию перевала». Пауза.

А сейчас: уютно шумит примус и то и дело раздается – кайфы, экстазы... Тепло. Колькин чай с лимоном.

Завтра все оставляем здесь и уходим. Вверх. Перевал по описаниям должен быть не очень сложным. На пик Разоружения и назад.

10 марта. ДЕНЬ ПЯТЫЙ.

Дежурный Женька рано заурчал примусом. Уже светло. 8 часов. Ветра нет. Ясно. Не холодно. Выход.

Один маленький рюкзак на всех. С продуктами на сегодняшний день. Одеваем кошки. Выходим. Навстречу солнцу, которое вот-вот выйдет из-за горной гряды, куда идет наш путь вверх.

Оглянешься назад и перед тобой раскинется панорама, от которой становится тепло на душе. Милая сердцу картина. Спускающиеся из цирков ледники-дороги. Эти ледники-дороги навсегда уже стали для нас символом веры в непоколебимость и неуклонность движения. В них – наши восхождения, к ним – наши возвращения.



Ледники- дороги. Фото О. Фомичева.

Лазурное небо. Иногда набегающие облачка бросают над всем цирком легкую тень. И уходят. Здесь все вечно. Как должно быть. Сияние чистоты и внутреннего света. И среди этого необъятного мира вовсе не чувствуешь себя потерянным, маленьким, - так, как бывает в узком пространстве среди людей.

Открылся перевал и стал виден наш пик. перевал с виду очень крутой и высокий. Только в 12 часов мы у его подножья. Фирновый крутой язык. На кошках. Две связки. Наш склон все время в тени. А через два часа подъема столкнулись с ледовой стенкой. Перила с попеременной страховкой.

Женька рубит ступени с нижней страховкой на ледовых крючьях. И уходит вверх на длину веревки. Забивает и заворачивает крюк, принимает нашу с Колькой связку и пропускает вперед Кольку. Тот рубит ступени и уходит вверх. Дохожу до Женьки, и он уходит на рубку ступеней. Подходит Толя – он в одной связке с Женькой.

Становится холодно. Ледовой стенке и конца не видно. Работа. Ожидание. Неизвестность. Иногда ноги беспомощно скользят по льду, ища опоры.

«Знала б моя мама...» - бормочет Толя.

«Сейчас залезем на тот гребешок и погреемся на солнышке», – Толя.
«Мы на тот гребешок залезем, когда не солнце будет, а звезды», - Коля.

Холодно. Холодно. Задерешь голову и тогда увидишь перемычку. Еще по веревке вверх и еще. Нет, это опять не конец. И тогда глаза тоскливо снова упираются в стенку.

7 часов вечера.

Небольшое плато. Фирн. Начинает темнеть. Вверх идти поздно, вниз – тоже. Остается одно – холодная ночевка. - Может, пещеру выроем? – Колька. Он пытается рубить ступени вверх, и ты с отчаянием смотришь – неужели снова, сейчас, когда стоишь так устойчиво, и снова лезть?! - Стой! – Женька кричит, - вниз чуть, Колька. Посмотри, что там за трещина. - Минут через десять Колька спускается в нее по веревке. Кричит: - Давай! Люда, ты меня видишь? - А тебе ни зги не видно. Только внизу черная пропасть, словно разинутая пасть.

Нет палатки, нет спальников, нет огня, нет теплых вещей. Есть жестокий и холодный ветер, временами пронизывающий до костей. Есть вершины, к которым ты тянулся. Утром такие бесконечно далекие, теперь совсем рядом. Есть синие-синие дали – там, внизу. Есть твои товарищи,

друзья – ты здесь с ними и благодаря им. Есть сознание ответственности твоей за все происходящее. Есть улыбка, есть твоя радость, ибо идут минуты, несущие в себе конец и начало. Минуты, имя которым - Жизнь.

В ледовой трещине тихо, ветра нет. Холодно. В свете вспыхнувшей спички видишь ледяные своды. Блестящие, отливающие синью. Снег выкристаллизовался в ажурные свисающие навесы. Мгновение – и все снова погружается в мрак.

Вдоль сквозные отверстия. Немного сифонит. И мы углубляем нишу. Сидеть не на чем. Одна веревка. Жиденько растянута по кругу. Выдержать . До рассвета. Целых 12 часов... Измерение времени минутами. Чувствуешь как оно тягуче, это время. Словно струна, которая натягивается, натягивается и скоро должна лопнуть. Сидишь, прижавшись друг к другу. Колотишь ногами. Шоркаешь спиной. Устраиваешься часами. И так неловко, и так холодно. Меняешь место. Стоишь. Так и проходит время. И удивляешься, что оно проходит.

Мечтаем. Кто о чем. А все больше о тепле, о горячем чае. – Я тебе чай такой заделаю, Людка, вот как придем только... - Колька.

- Сколько веревок-то набросили? – раздается чей-то голос.
- Да метров 250, веревок десять. –
- Давай покурим –
- Давай. Одну оставим. В семь утра раскурим. Табачок там просыпался. Сейчас наскребу. –

А Женька умудряется спать. Просыпается, когда отмерзает нога. Потом орет песни. Потом снова засыпает. Колька вскакивает: - Ой, мамочка! Не могу больше! Промерзли ноги! – А на нем только одно трико из синтетики. Да и мы не лучше одеты. И шапки нет никакой. А холод... - Людка! - кричит, - что у тебя болит? Говори! - И растирает, растирает... - Садись на меня! – А Женька снова спит.

Только и слышишь – Который час? – И механика одна и та же. Колька спрашивает, Толя чиркает спичкой, Женька смотрит на часы. – Смотри-ка, уже шесть. Еще час осталось. Надо ж... просидели. – Колька.

Трещина постепенно наполняется светом, новым днем. Натягиваем кошки. Никак не могу – все смерзлось. Колька помогает. «Спасибо!» «Вот детей своих увидишь, - тогда и скажешь спасибо...».

Вверх по веревке из трещины. Морозный рассвет. Тихо – тихо. Прозрачный синий воздух. Ясно. Чуть поднимаемся к туру. Выходим на перевал. Уже предвестники солнца рдеющие невесомые розовые облачка

на востоке. И Белуха. Прямо перед тобой, ты на уровне ее вершин, гордо вознесшихся к небу.

Читаем записку группы туристов Томского политехнического института, недавно поднявшихся на перевал по нашему пути. Подъем по стенке занял у них 16 часов, почти в три раза больше времени, потраченного нами. Они дали ему категорию сложности 3Г.

Белуха уже в облаках. Идем вверх к гребню. К пику Разоружения. Каменная не очень крутая осыпь. И постепенно поднимаешься над всем Алтаем. И удивительно – шаг шагнешь, все меняется. Взглянешь – открывается новый вид. Яркое солнце. Заглянешь за гребень – и видишь новые цирки, отливающие синевой ледники, сверкающий снег. И ты. И солнце. И ветер.

- Я схватился за ухо. Смотрю, оно ничего не чувствует. Растираю, толку нет, потом второе, - рассказывает Колька.
На гребне сильный ветер. Мы с Толей отстаем. Доходим до ребят Они там уже давно и насквозь промерзли ожидая нас. Но нет, это еще не пик. И снова вверх, теперь уже все вместе со страховкой. Наконец-то! Пик Разоружения! 3772м.



*Людмила Андросова на пике Разоружения.
Фотог Николая Плетнева. 1975 г.*

Белуха напротив протянула две иглы к небу, тянется гордая, сверкает своей белизной, светит нам. Словно ты поднялся на крыльях и кто-то держит. И все кругом горит цветами разными, разукрасилось, голубые и фиолетовые дали. Сумеру Азии. В середине Азии, в сердце Алтая. Эту высочайшую точку Алтая, легендарную красавицу Белуху называют Владычицей Алтая, Матерью алтайских гор. Гордо стоит она, возвышаясь над прочими вершинами, взметнув почти вертикально вверх километровую неприступную стену.

Легенды многих народов, обращенные к будущему, связаны с Белухой. От этой замечательной вершины в обе стороны своеобразным полукругом отходят отроги хребтов. Отсюда, с вершины Разоружения кажется, что они, эти отроги хребтов, словно ее заботливые материнские руки, распростерты для объятия и покрова. Как у Рериха: «А за Белухой кажутся...Гора Божественной Владычицы и Пять Сокровищ Снегов, и сама Владычица Белых Снегов и все писанное и не писанное, все сказанное и не сказанное». И вспоминается: «Задумана картина. «Сосуд нерасплесканный». Самые синие, самые звонкие горы. Вся чистота. И несет Он сосуд свой...»



Н.К. Рерих. Сосуд нерасплесканный. 1927

Чувство глубокой усталости. – Что, забралась, а радости нет? – Колька. Решили идти вперед в надежде отыскать не такой трудный спуск. Острый гребень. Такой узкий, что возможно поставить только одну стопу, оставить только один след. А по обеим сторонам пропасти. И тоненькая ниточка жизни между ними. По которой ты ступаешь. А снег белый-белый, рассыпается, а небо чистое-чистое, бесконечное, а солнце яркое-яркое, сверкающее, а горы синие-синие, звонки И тишина. Звенящая.



Вид с Восточной Белухи. Фото В.Волкова, 1995 г.

- Потрясный гребень, да? Толщиной в два пальца, - Женька, - хоть верхом садись.- Спуск по веревке на следующий гребень. Последним - Колька. Вытягивает веревку.

Опасный ледовый переход. Не смогу,- мелькает мысль, - Лед, траверс, кошки. Они ж не держат. Да и как на них. Не умею я...- Женька уже перешел. Рядом Колька. И протянутая между ними по ледовому склону веревка. Через мой карабин на груди. И срыв. И падение... И еще раз срыв. Треугольником напряглась веревка, застрахованная через ледоруб. Побелевший Женька: “Ты, ты, ты... понимаешь, кто ты? Потенциальный труп, вот кто ты. Труп. Это же случайность, что карабин твой застегнут, что правильна обвязка, что ледоруб выдержал... Страховка - это ж так... Опасно? Да, очень. Но... просто”.

- Понимаю все. Женька, прости. Я все равно буду ходить в горы. Я боюсь. Но я преодолею. Я клянусь тебе, я клянусь себе. Мне только победить себя. Всего один шаг. Ведь это сложно. Прости... –

Еще один гребень. И... стена. Круто обрывается вниз. А у нас всего две веревки и что нас ждет дальше – неизвестно. Время далеко за полдень. Мы стоим в нерешительности. Решено повернуть назад.

– Ребята! Ребята! Соберитесь мужеством, я прошу вас. Если сейчас не будем копошиться, то мы должны, должны спуститься. Сегодня. Иначе снова холодная ночевка. А это гроб. Нужно быстро. Во что бы то ни стало, - отчеканивает Женька слова.

И вот снова через этот ледовый склон. Теперь без страховки.

– Иди! – Женька.

И я иду... И прохожу!

По веревкам забираемся на вершинный гребень. И по нему, по этому гребню. По уже вделанным нами ступням – следам.

Солнце в лицо. И Белуха. Протяни руку – и дотронешься до ее главы.



Двуглавая Белуха. Фото В. Тельнова 1983г.

16 часов.

Мы снова на нашем перевале, куда поднялись на рассвете после холодной ночевки в трещине. Если спускаться - то по своим ступеням только можно успеть. Но тогда последний должен идти по ледовой стенке без страховки, пренебрегая всякой техникой безопасности, чтобы остальным можно было передать вытаскиваемые крючья и веревку.

И Женька идет последним. Раз, раз, раз, лицом к склону, словно по невидимой лестнице. Как маленький ловкий зверек. Потому что горы – его, потому что они приняли, потому что он имеет себя. Потому что в ответе за нас. За все. И за всех.

А ты идешь с веревкой. По ступеням своим. Вниз. И когда ноги не находят ступени, веревка ходит туда-сюда. И замирает сердце, и клянешь себя за медлительность. И изо всех сил стараешься быстро, чтоб не задерживать. Не получается. –Ты видишь как Колька. Вот так и ты должна, - Женька мне, и уже не стесняясь называет вещи своими именами. Как будто включается кнопка какая, и веер слов, однозначных и определенных – при виде меня или Толи. Чувство такое, что хочется просто сесть и – вниз – и будь что будет. Внутри монолог с собой, а вслух глупые просьбы – Коленька, подожди! Пострахуй! - Удивительно, все, что ни скажешь - невпопад. Все ерунда, все лишнее.

- Да ты что, Людмила, здесь же фирн. Опять страховка? Ты что?!- А Людмила эта идет по фирну со страховкой и до боли, до слез стыдно за себя.

Ледоруб Колькин, что удержал меня на срыве, устал рубить, да и вообще устал, глядя на нас. Не выдержал. Сломался пополам.

7 часов вечера.

На пятой точке по последнему снежнику вниз. Спокойные краски заката. Горящие вершины. Два дня. Не ели, не пили, не спали. Без огня, без теплых вещей. Ночь в трещине при минус 30 мороза. Срыв, падение. И этот спуск! Но усталость чем-то побеждается. Просто Ты победил – и ты чувствуешь силу свою. И можешь сделать, кажется, все. И все по плечу. И все доступно. Вниз, вниз. Чуть не бегом. Солнце ласковое, заходящее – отблесками заката, спокойным светом своим благословляет. Все так спокойно. И мирно. И просто. Красота и свежесть необыкновенные. И все родное твое. Руки протягиваешь к горам, ласкаешь их взором, ищешь на небе первые звезды, слушаешь тишину.

Ты идешь к палатке. Там свет, там тепло, там огонь, там чай. Подходим уже в темноте. Временами ветер пронизывает до костей. Кончики пальцев рук и ног потеряли чувствительность и отчаянно мерзнут. Остаться здесь, в палатке, на леднике, залезать в холодный спальный мешок, когда рядом внизу всего в пяти-шести часах ходу – Дом, где тепло... 40 часов напряженной опасной работы без еды, без питья, без сна, без отдыха. Но желание тепла беспредельного, какое только возможно что дома, – сильнее усталости. И мы уходим вниз. В темноте.

Высыпали все звезды. Какие только есть во Вселенной. Горят. Огромные. Каждая с блюдце. Вот-вот вспыхнет небо от них, или скатятся к ногам. словно земля простерла руки свои – горы снежные – к небесному своду, и тот откликается аккордом света звездного, переливающегося.

Берем слишком глубоко вниз и напарываемся на скальные обрывы. А прямо под ними – озеро, на котором стоит наш Дом... И до чего ж обидно снова вверх. В обход. Колька же спускается на веревке. Что-то ухнуло. Кричит: - Жив! Не идите сюда. Я один пойду. Обходите! - - Дурной!, - качает головой Женька, сматывая веревку, - Но... молодец! –

И мы снова вверх, и снова вниз. Слышно только – у-ух! Это Толя в очередной раз уткнулся по пояс в снег. Палатка, которую он небрежно привязал к низу рюкзака, постепенно распускается и тянется за ним как шлейф. Он останавливается, подбирает концы и вместо того, чтобы как следует собрать рюкзак, равнодушно рассовывает их куда попало. И вновь тянется шлейф.

На очередном спуске окунаешься в снег. Лицом. Боже, до чего ж приятно. Мгновение лежишь. Смотришь на звезды. Необычное небо. На снегу так приятно. И снова смотришь на звезды. Но вдруг понимаешь, - это от усталости. Встать и идти.

Наконец и озеро. И рукой подать до метеостанции. И спокоен путь, и легок. Уходим с Женькой вперед, оставляя позади тоненький отзвук Толиного голоса, извещавшего, что скоро он до нас доберется. Последние три-четыре километра. Под звездами. По глади озера. Женька пытается навязать свой темп, но увы... И уходит вперед.

А у тебя состояние вне времени и пространства. Оглядываешься назад. Белуха, язык ледника – так близко. Впереди виден огонек метеостанции. Огонек далеко. Это наша Земля Обетованная. К ней идем. Но горы-то ближе и роднее. Повернуть назад? Ведь горы ближе... Останавливаюсь. Отдых. Нет, нельзя. Даже две минуты отдыха настораживают. Слушаю себя. Отдыхаешь, потому что устал, или, может,

чтобы не идти?... Тишина-то какая! Небо горит. И кольцо гор окружает тебя. Ближко. Огонек впереди – далеко.

И немного начинаешь понимать. И тогда встряхиваешься. И уже без всяких остановок. Все. Мир в тебе. Огонь впереди. Чай. Тепло. Отдых. Уже слышен лай собак. И идти еще можно сколько угодно. Усталость – понятие столь относительное. Равнодушие – только не сейчас.

Огонек в ночи всегда манит. Но этот огонь для нас сейчас особенный. Он суть всего. В нем весь смысл. Он помогает проделать путь. Вся сущность твоя, вся мечта - этот огонь. И нет больше никаких желаний. Временами мощный луч прожектора освещает путь, словно протягивает тебе руку и зовет. И тогда до дома кажется рукой подать. И чувство глубокой благодарности тем, кто ждет нас, благодарности за этот огонь, который сконцентрировал в тебе все желания твои, устремил к себе все помыслы. Ибо он несет Тепло. Тепло от глаз усталых, тепло от улыбок доверчивых и тихих, тепло от радости быть вместе и сидеть за одним столом. Тепло в ногах. Тепло в руках. Тепло от того, что можешь пить Колькин чай.

И только после чая понимаешь степень усталости. Ноги гудят... Глаза отяжелели... Все. Сон.

12 марта. ДЕНЬ СЕДЬМОЙ.

И какой солнечный! И Белуха с ледником сверкают перед глазами, больно смотреть.

К метеостанции подошла группа из Москвы. – Откуда вы? - Да вот снизу. - Давно здесь? - Давно. Вчера вернулись с пика Разоружения. - А-а-а... Вы альпинисты, значит? -

Стол праздничный, - такой, что Женька не выдерживает и идет за фляжкой. Печка уютно потрескивает и стол весь светится.

- За ваш поход дальнейший, чтоб удача была. –

- За вашу жизнь здесь...–

И пошли разговоры:

- Ищешь всякие пути, чтоб убежать с работы. В прошлом году – пик Рериха – юбилей, руководитель. Потом Памир. Отпуск всего месяц, нужно полтора. Опять же первенство страны... -

- В общем ты сачок, Женька. –
- Сачок, не сачок, но не перерабатываю... -
- Как я вчера плелся. Может быть с голодухи. Хотя... хилость - Толя
- Крюк забиваешь, весь склон гудит у-у-у! – того и гляди доска сойдет
- Колька
- Холодрыга. В трещине ночь просидели... -
- Как я за крюки боялся. Все думаю – выдержат или нет . –
- С алтайками невозможно договориться – у меня все есть, но без мужа ничего нет. -

Женька тем временем снова выводит формулу жизни:

- Меня всегда возмущает – не могу попросить. Значит, и дать не можешь. С натягом у него все это будет. Жизнь формирует человека. Когда человек просит, это совершенно спокойно. Взаимный процесс – вам отдам. Человек, не умеющий просить, не может и давать. Это же однозначно совершенно. Не может быть, чтобы он давал, если просить не может... -

К столу нашему из печки вытащили только что испеченный хлеб. – Ты знаешь, как они хлеб здесь пекут? – Женька, - Лучше всякой бабы, не говоря уже о женщинах. –

- Люда, вырази чувства туриста, прошедшего холодную ночевку и попавшего на метеостанцию. Вырази душевно, в стиле Рериха, а? – Колька.

А в местной газете в заметке под названием «Седло двуглавой красавицы» нахожу такие слова: - В ближайшее время район Белухи должен стать объектом охраны. Здесь будет организован заповедник... -

13 марта. ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Невеселые кряхтящие сборы. Кроме рюкзаков берем с собой лыжи на пристежку и дрова.

10 часов.

- Да, ребятки, погодки каюк. Уже флажки на вершинах гудят...
- Может, в связи с этим сократим маршрут, а? – Толя
- Да нет, - Женька.
- Но ведь ты говорил, что этот перевал никто никогда не проходил... -
- Говоришь, пять часов ходу до перевала? –
- Может, залезем тогда сегодня на перевал? –
- Сейчас даже говорить не будем. Посмотрим, елки. –

13 часов.

Ползем к перевалу

- *Тучи за горы зацепились, гады, - Толя*
- Ребята, всем смотреть вон в ту сторону, - очередная привычная просьба.
- Мои глаза вообще бы ни в какую сторону не смотрели... -Коля.

16 часов.

Ветер. Снег.

- В прошлый раз такая же была погода, - Женька.
- Перед нами цирк заключительный, - объясняет, - Чуть левее - наш перевал. -
- А спуск там сложный, а? – Толя..
- Да нет, я думаю, двоечный.
- А что такое двоечный ? – Толя, почти про себя...
- Ох, эти морены... Как я их не люблю, – Колька

- Да, мне они тоже не нравятся, - Толя. – А в чем тогда вообще счастье восхождения, если не походить по моренам? Погода? Хорошая редко бывает. Вот никогда я не был приверженцем горных походов... -

- И не будешь, - заканчивает Колька
- Вот в тайге хорошо... - Толя.
- А меня в тайгу никогда не заманишь, - Колька.
- А мне везде хорошо, - Женька .
- Вот, Толя, летом я тут на леднике и шага не пойду, - Женька

- Не, я работать летом хочу. Мне надоела такая жизнь. Сто рублей лежит в запасе, очередь подойдет на холодильник - не на что купить - Толя.

- Толя, да брось ты насчет работы. –

- Нет, надо, Женька, надо. У меня даже пальто хорошего нет. –

- А я семь лет в демисезонном хожу – и зимой, и летом. Никогда не работал и не буду. Украсть чего-нибудь могу, но чтобы работать... ха-ха!

- Ну что, сейчас уже ищем место ночевки? – Женька

- Сейчас в палатку зарыться самое то для меня, - Толя

- Людка у нас дежурная, пусть чай варит на снегу, -

Сильный ветер. Устроились под защитой большого камня. Толик взял на себя добровольно заботы о костре – из дров, что мы подняли с собой (Колька наш примус потерял, когда спускался). Но увы, - как завоет, заметет, крылья палатки напрягутся, хлопнут изо всей силы – и от костра одни угли да снег. После многочисленных попыток пришлось оставить эту затею.

14 марта. ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ

8 часов утра.

Ветер вроде чуть ослаб. На этот раз костер удастся разжечь. И мы пьем горячий чай.

- Понимаешь, Люд, все это плешь, что в горах, мол, откровение и все такое... Вот когда ты пашешь, никаких таких ощущений нет, просто тупость, Все извилинки стираются, сглаживаются, ни одной не остается. А все остальное для идиотов, - Колька.

- Нет, давно замечено, что русские, когда собираются, говорят либо о смысле жизни, либо о бабах... -

- Ура-а-а! На Рериха! На перевал Победы! Ура!!!- орет Женька.

Сильные порывы ветра. Метет.. Открылся перевал. Крутизны страшной. И почти на одной высоте с ним пик Рериха. Знакомый по фотографии “абрис Эвереста”, как сказал нам Святослав Рерих.



*Перевал Рериха со стороны Катунского хребта (последний взлет).
Слева - пик Рериха , фото Валерий Хвостенко, 1978 г.*

Здравствуйте! К вам иду так долго. Целую жизнь.

Женька убеждает – там же нет льда, нет. Только фирн. Поднимаемся по крутому фирновому склону. Ничего не видишь из-за пурги. При порывах закрываешь лицо во что придется, закрываешься руками. Жестокий колючий ветер. У бершрудта кратковременный отдых. Подтягиваешь лыжи и можно спокойно оглянуться. Метет, метет, метет... И сколько нам еще вверх!

Женька рассказывает: “Вот на этом самом месте я сидел однажды, погода в точь такая же. Сижу, сижу, рюкзак снял, жду Усольцева, он где-то отстал и из-за пурги не видно. Мы с ним вдвоем тогда решили пройти перевал, остальные все заболели. Ни зги не видно. Потом отстегнул лыжи и пошел вниз к нему. А его-то сдуло оказывается. Но ничего, обошлось. Но идти дальше отказался наотрез. Пришлось, елки, назад за рюкзаком подниматься.”

А дальше вбиваем крючья и попеременная страховка. И... лед (!) вопреки предсказаниям Женьки. И снова рубим ступени. Как на том

перевале. Только тогда не пурга, а яркое солнце, и не было тянущих рюкзаков за плечами и не болтались позади, мешая движению, лыжи.

Ледовая трещина на крутом склоне. Колька прошел, уже вышел вверх на всю веревку. Женька втыкает ледоруб на уровне моего носа: “Наступай, я держу и лезь”. Мои многочисленные попытки подтянуться приводят только к расширению трещины. И я беспомощно скатываюсь назад. Женька наклоняется: “Становись на спину коленками. Я подниму тебя” – и ложится поперек трещины.

Становлюсь. И неожиданно сообщается ощущение абсолютной устойчивости и надежности, словно то маленький остров, принявший потерпевшего крушение. И возникает уверенность, что пока островок этот есть, значит, все будет в порядке.

Толя пытается сам преодолеть трещину, но, увы, поднимается по моим следам – Женькиной спине. “Я голову одной рукой закрыл, чтоб не саданули, а другой держал их ногу с кошками. Заедут ведь, елки. Снесут башку-то.” - Женька

А Колька там, выше, видя только мелькание наших палок, страшно замерз и исчерпал уже весь запас выразительных слов. Но и ты чуть не кричишь от боли, когда пальцы ног после отчаянных попыток вернуть им чувствительность, начинают отходить. Оказавшийся незащищенным участок тела из-под задравшегося рукава штормовки мгновенно покрывается ледяной коркой.

Только в 18 часов мы на перевале. Ветер страшный. И от него никуда не укрыться. В лицо кидает острые колючки льда и щебня. Глаза открываешь руками, отдирая ледовую корку. Уже поздно. Надо спускаться. Впереди – полная неизвестность, никто никогда здесь не спускался. И мы не идем на пик Рериха. В промежутках относительного затишья видишь некрутую каменную осыпь, выводящую на пик. И что-то сжимается внутри. Что ж, не судьба, видно, сейчас.



Вид с перевала Рериха на пик Рериха.. *Фото О.Фомичева*

Оставляем записку о первопрохождении нового перевала Победы – перевала Рериха (так мы его называем) и сразу вниз. Ветер перехватывает дыхание. “Да, братцы, не помню, чтобы у меня хоть раз такое было на перевале. Ужас!” – Женька.

Спускаемся в трубу. Постоянно сгребает лед с лица. А у Толи борода – сплошная ледяная корка с длинными сосульками. Сначала по камням. Узкая-узкая труба. Затем, слава Богу, снежник. Крутой. И уже по нему. Толя подскользнулся и полетел вниз – голова-ноги, голова-ноги... Но впереди нет камней. Выводит прямо на ледник. Бог ты мой. Все обошлось. Спуск-то какой. Слово неожиданное подарок. Этот спуск, впервые пройденный – единственный относительно доступный для многих путь на пик Рериха.



*Перевал Рериха с запада Наш спуск.
Фото О. Фомичёва*

Темнеет.

Сразу после спуска прямо на леднике ставим палатку.
Сухомятка - и в мокрые задубелые спальники. Всю ночь сильный ветер.

- Да, ничего себе, заделали перевал. ЗА, наверное, – Женька.
- Если б я знал, что такие перевалы, я б еще подумал – идти, нет, – Колька.

15 марта ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ.

Ранее утро. И снова метет. Сильные порывы ветра. Видимости почти никакой.

Усматриваю в небольших перерывах затишья огромную скалу как раз у поворота на перевал и в его основании. Рисую на этой скале красной акварелью, что дао мне Женя Маточкин, изображение Знамени Мира Рериха. Этот знак, хорошо видный издали с морены, послужит будущим восходителям ориентиром при подъеме на перевал и пик Рериха с запада, со стороны Кучерлинского озера. Это самый близкий, относительно несложный и безопасный путь на пик Рериха, он не требует специального снаряжения.

(P.S. Летом 1975 г., спустя несколько месяцев после нашего зимнего восхождения и открытия перевала Рериха, мы втроем с Женей Маточкиным и Володей Карлинером (это было первое в жизни Володи восхождение, позже он станет классным альпинистом. Володя погиб при выполнении спасательных работ) снова поднялись на пик Рериха. На этот раз мы совершили восхождение по только что открытому и пройденному нами зимой западному пути. Путеводной вехой послужил нам начертанный мною на отвесной скале в сильную пургу знак Знамени Мира. Только теперь, летом, эти три красных круга в круге вечности были высоко подняты над мореной, словно невидимая рука вознесла этот рукотворный знак и защитила его от ветров и непогод.. Л.А.)

Уходим. Кто на лыжах, кто – пешком. «Никудышние вы горнолыжники, - заключает Женька в ответ на наши многочисленные падения и наши мучения, когда вновь и вновь, зарывшись по пояс в снег, приходится надевать спавшие крепления и натягивать рюкзак, который все норовит опять воткнуть тебя в снег. И метет, метет, метет...

Спускаемся ниже. Ветер потише. «Нет, все-таки когда тепло, - лучше, чем холодно», - глубокомысленно заключает Женька.

Только что спустились к реке. И у первых кустарников заделали чай. Чай! Целую вечность мы его не пили. И потому пьешь его с закрытыми глазами, не пьешь, а впитываешь. Стихает. Иногда даже солнышко проглядывает. Идем к Кучерлинскому озеру.



Кучерлинское озеро весной

16 часов.

Ползем на лыжах по руслу реки. На лыжах – это потому что они вроде бы на ногах. Но чаще на пятой точке по камням и льду. Пошел бурелом. И лыжи на пристежке. А кругом тайга и горы. Могучие кедры убегают вверх. Снега все меньше. Обнажается земля. Сухая трава.

- Хорошо в тайге, а, Людка? – Женькино лицо светится белозубой улыбкой.

- Людка у нас идет как танк – впереди. Да и здоровье поди есть – сберегла на перевалах... –

- Вот сейчас ветер подул, мягкий такой, весенний, скажи, да? А наверху там глаза выдирает...-

Толик немного отстаёт. И приходит своим путем по руслу реки, раздирая в кровь помороженные запястья рук.

21 час

Какой костер! Часов в 17 спустились к Кучерлинскому озеру. «Необыкновенной красоты», - замечает Женька. Пирамидами спускаются кедры и стройные ели. Окруженное горами, убегающими сопками. Группа литовцев, что встретилась нам на озере, видимо, побывала здесь и оставила нам прекрасно оборудованное место ночевки – лапник, кострище.

Выдуваем уже третий чайник. Тепло. Уютно. «Разве такое может быть в избе?» – (которую мы, кстати, не нашли).

Каждый сушится. Кто что. Женька сунул чуть ли не в костер свою пятую точку и больше ничего не сушит. «Два часа на ветру и сухой. Во! Понятно, как надо сушить?» – это он про свой спальный мешок. Посмотрел, посмотрел Толя на свой новый экстрашерстяной носок, да и бросил его в костер – догорать.

Тепло располагает к беседе. «Романтика..., - zaczynaет Колька, - не в романтике дело. Здесь чистая жизнь. Жратва, спанье, препятствия. Без всяких там. Жизнь самая что ни на есть. А там – обман, грязь, бардак, грызня...». «Ажно хохочешь иногда», - вставляет Женька.

И Рерих... И Алтай...

16 марта. ДЕНЬ ОДИННАДЦАТЫЙ.

Идет снег. «Наверху сифонит-то как!» – докладывает Толя. – На леднике чувствуешь себя беспомощным, а в тайге – ой, как хорошо!» Холмы, скалы окружают озеро с набегающими волнами елок и кедров.

13 часов.

«Четвертый день сыпет и сыпет, никуда не годится», - Женька. На пути встретились литовцы – возвращались назад – снег, мол, глубокий да и непогода. А сейчас по их лыжне мы подошли к месту ночевки. Кедр, кедр, кедр. Ледопад. Мощные отроги. Идет снег. Тихо-тихо.

- Цейлонским чаем их пои, то же мне, - ворчит Колька.

- Мама моя милая, куда ты меняпустила и зачем, - бубнит Толя, подходя к костру. Иногда порывы ветра очень сильные. Тревожат. Заслоняют все. Это здесь, в лесу. А что же там, наверху?

- Что это всех европейцев волнует, как это нас выпустили на маршрут, а? – Женька.

Сбегали с Колькой наверх. До ледника. Проторили тропу. Там тихо. Как и здесь. Ночуем на месте ночевки литовцев. И снова костер, чай, уж который раз за сегодня. Снег идет. Тихо. Тепло.

Рерих... Алтай – будущее всего человечества.

- Бросьте вы, на юге лучше, - Толя

- Так езжай туда, чего ж не едешь-то? –

И сами себе доказывают, почему Алтай, почему Сибирь. Сегодня. Главное. И яблоки-то сибирские вкусные, и урожай-то на душу выше, и народ-то работающий... А уж воздух, а прозрачная хрустальная вода, а кедры-то могучие, а горы...

Костер аж до небес! «Сидят как куры на насесте», - Колька.

Это он про нас. Нет, нет да и провалится в снежную яму костра снег от чрезмерного упора ногами. И тогда к всеобщему удовлетворению Женька кричит – Карниз обвалился! - А сейчас он углубился и сосредоточенно уже не в первый раз за сегодня зашивает бахиллу.

17 марта. ДЕНЬ ДВЕННАДЦАТЫЙ

8 утра.

Ясное небо. Ни облачка. Подарок Алтая. Наконец-то после стольких дней непогоды. Солнце наступает - освещены соседние склоны. Скоро и к нам спустится.

И весь день солнце. Прямо в лицо.

«Идем, морды к солнцу крутим», - Женька.

Сегодня день Белого Безмолвия. Ледник под снежным плотным покровом медленно-медленно поднимает нас к перевалу. По мере движения вверх все грандиознее панорама. Спускающиеся с соседних цирков ледники, горные вершины, причудливые скалы. И все залито солнечным сиянием. И все белым-бело. И тишина.

Ты поднимаешься – и расступаются горы. Все шире. Все выше. Скалы, пики, трапеции, эллипсы – все тебе в дар. Вместе с ярким солнцем и

спутниками твоими. И реально в мире только то, что ты идешь. Окруженный Белым Безмолвием.

Через шесть часов подъема выходим к заключительному цирку. Перевал Капчальский. Колотун.

«Смотри, Алтай перед тобой, Людка», - Коля.

Здесь уже Казахстан. И вниз – на лыжах. Как полет, как парение. О-го-го-го! Это Женька, раскинув руки с палками в стороны, подобно распрямившимся крыльям, осуществляет скоростной пуск.

Огромный цирк. И снова тишина. И снова застывшие горы. И снова белым-бело. И снова яркое солнце. И снова холодно. Двенадцать часов по Белому Безмолвию. Спокойные краски заката. Синие сумерки. Голубое небо. Вечереет. Небо темнеет. Впереди виднеется лес, разбросанные темные купола кедров. Издали на склонах они кажутся понатыканными словно бутафория. Так неожиданно темные, одинокие на ослепительно белом. В синих сумерках тонкие покровы снега над гладью реки излучают свет. словно внутреннее сияние. И он, этот свет, направляет и ведет.

Совсем стемнело, когда мы подошли к месту слияния Капчала и Катуня. Устали. Холодно. Да еще Женькино крепление ни к черту, как он говорит.

При свете коптилки в палатке:

- Ну, братцы, зимой в горы я больше не пойду. Уж очень это суровое мероприятие. Какой колотун сегодня! – Женька, - День красивый был, но холодный, елки, Я постоянно боялся обморозить пальцы. –

- Красивое ущелье Капчал-то. И мощное. –

- Эх, была бы на Алтае памирская погода, - вздыхает Колька, - Не ходи, Людка, на Рериха больше, замерзнешь. –

- Да, ходить в горы зимой – это большое мужество, - Толя.

- Откуда, откуда, за что меня так, а? Понадеялся на технику, а она оказалась... , - Женька показывает оба сломанные крепления лыж, - за что же такие напасти. Никогда у меня такого не было...-

18 марта. ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ.

Просыпаешься – весь спальник усыпан маленькими кристалликами льда.

И холмы, и солнце, и тепло, и Катунь, и грустно от того, что каждый шаг приближает к концу похода. Небо подернуто дымкой облаков. Очень тепло. Парит. И Толя сжигает глаза (а перед этим он оставил свои очки на метеостанции – лишние, мол). Кедровые столбики по склонам холмов. Вниз по Катунь. На юг. Идем в Язевку. Километрах в двадцати по Катунь должна быть изба. К ней наши устремления. Очень хочется тепла. Ну тягун! Ох, и тягун! Ноги сами по себе, а ты сам по себе. Переставляешь как ходули (по рыхлому проваливающемуся снегу).

17.30.

Катунь уходит на запад, а мы вверх по холму к Язевому озеру. Оттуда, куда течет Катунь, показались синие-синие горы. Гребни их блестят на солнце и сливаются с голубизной неба. Трудно оторвать взор от этой гармонии цвета. Все в голубых нежных тонах – и снег, по которому мы идем, и глубокие тени по отрогам гор, и воздух, и небо. И вода в Катунь прозрачная и хрустальная и от разлитой всюду лазури кажется слегка голубоватой.

И вспоминаются слова Н.К.Рериха: «Приветлива Катунь. Звонки синие горы. Бела Белуха. Яркие цветы и успокоительны травы и кедры. Кто сказал, что суров и неприступен Алтай? Чье сердце убоилось суровой мощи и красоты?»

Поднимаясь по склону, попали в берендеевский лес. Лучи заходящего солнца пронизывают стройные могучие кедры. И вдруг деревья распахнулись и прямо навстречу солнцу выкатилось озеро...

Алтай улыбнулся нам прощальным закатом. Тихим и спокойным. Серебром и золотом отливают белоснежные сопки, за которыми скрылось солнце. Изумрудом растекается, переходит в розовое и заливает все небо.

Торжество тишины, необъятной дали, белоснежных гор и спокойного небесного сияния.



Белуха в лучах заката

«Людка, смотри какой закат. Тянет, как мать родная...», - Колька. И прямо над золотым ореолом нам навстречу выплывает избушка. Движок стучит издалека. Ну вот, это уже все. Десяток чумазных здоровенных лесорубов режутся в домино и карты...

ЕЩЕ РАЗ ОТ АВТОРА - с далеких берегов Тихого океана

Это я, это ты - через много много лет. Ты пришла на берег Тихого океана, где сейчас живешь. Ты слушаешь музыку волн прибоя и ощущение Беспредельности пронизывает тебя... И мне так легко перенестись к тебе на вершину и встать рядом с тобой...

Вершина... Глубокая тишина... Ощущение полета и всепоглощающей радости... Посмотри на меня... Я пришла к тебе из твоего далекого далека, я склоняю свою голову перед тобой и говорю тебе – спасибо! Ты раскрыла передо мной свою тайну, и с тех самых пор я знаю сколько внутренней непознанной силы таится во мне и что для меня нет ничего невозможного... В трудные минуты жизни моей это ты из своего сияющего глубокого далека протягивала ко мне руку и говорила – Встань! Вспомни кто Ты...

Ты еще не знаешь, что пройдет 10 лет и Святослав Рерих скажет тебе слова, которые ты будешь нести в своем сердце: «Помните, я всегда думаю о Вас. Вы дороги мне. Вы знаете, что я люблю Вас. Это главное.» Но почему? – вскинешь ты изумленный взор, - Как могло это случиться? За что? - И он ответит: «Это неважно за что. Важно, что это есть... И добавит - Если у вас растет дерево, полное яблок, не надо считать сколько их, достаточно съесть одно или два...»

Прости меня... Ты видишь - я плачу... Вот моя рука. Полетим вместе...

*Дневниковые записи. Подлинник хранится в Музее-Институте семьи Рерихов в Санкт-Петербурге

Людмила АНДРОСОВА
Канада, 2016 г.